

ИРЛИ (Пушкинский Дом) РАН

Собр. Чегоревъ, Р. В. поэт. 1934г. № 71

92 627

8н. 2

89. 68

Рильцов, Алексей Михайлович

"В плену" - стихотворение

44

46 л. о. из них 4 л. в част.

1896-1903.

л. 29 - употребляется
при дегидратации.

ИРЛИ (Пушкинский Дом) РАН

ИРЛИ (Пушкинский Дом) РАН
АЛЕКСЕЙ РЕМНЗОВЪ.

Въ плачу.

It is not, nor it cannot come to good;—
But break my heart, for I must hold my tongue!

Hamlet.

Вологда.
Ж. А. Ремнзовъ 26
АЛЕКСЕЙ РЕМНЗОВЪ Р. З. Г.

ИРЛИ (Пушкинский Дом) РАН

Въ пльжу.

■

ИРЛИ (Пушкинский Дом) РАН

ИРЛИ (Пушкинский Дом) РАН

Въгнал башня!

Башню строили долго, высокую, блузю.

Узкія окна орлии съ гасою и крѣпкой рѣшеткою.

Секла - глаза мѣтвѣцово - Туманно и мрачно взглежнули.

И скучная, сплошь жизнь тлѣлась въ каменномъ тлѣ.

Только душа одна безлѣкоюна, ненасытна яко горѣло.

Разлагались волни сѣны, плюсень гнила, разъльдала избѣстку.

Шукатурка расстрѣкалаевъ, зілють глубокія, гернныя раны.....

И люди душнои, безсътной башни откупились.

Дрогнули сѣны, закагались, разсыпались.

Шумятъ подъѣзды брызги, избѣстки, несетъ погребальную пыль.

На свободѣ сѣрошли.

Гимны слагаютъ свободою!

Но тута, где башня стояла, поднялись обозы, нагруженные верхомъ
кирпичами и каменями.

И новая башня сверкнула на солнце, высокая, блузя.

Мѣтвѣцъ окна глубже гернью, толстѣ.

Думай, какъ время подготавливаетъ блузое тло.

Въгнал, въгнал башня!

ИРЛИ (Пушкинский Дом) РАН

1. Снова, какъ много лѣтъ наездъ, я живу въ моемъ полуразвалившемся домикѣ; старый бревенчатый сѣнъ еще больше покосился и погнилъ; Торги бѣрыш, герны, кое-гдѣ и красныи мохъ.

Незамѣтно пробуждаюся осеннии сумерки.

Задъ сѣнной уклады ваются спать, старуха воргитъ, и ей ворганье, непонятное мнѣ, становится все тише и тише, словно говоръ изъказывающій, утомившейся капли.

Я сижу у окна, смотрю на рѣку, на ея нѣжную, маленьющую и голубую кожу, переливающіюся. Тогда у какай-то огромной, лѣнивой змѣи.

Если своими крестами пригута подъ самыи облака, подо это разноцвѣтныи балдахинъ, Трепетныи и сокровенный.

А тамъ, где золотыи плиты устапаютъ небо, и красныи, изогнувшись первыи Тонуть въ какожь-то дѣло огня и пламени, легкии, степь молгаливая и временная, какъ поле послѣ фолихъ бѣго.

И такъ хорошо!...

И сущи сѣ, что затѣ-то Тамъ, за недомъ и землею, бѣргаютъ сѣ вѣдь разлученныхъ существо, прекрасныхъ, легкихъ, они разскользываютъ о вицѣнномъ, а передъ взоромъ головокъ пролетаютъ и это небо и земля...

Люблю я пробужденіе звѣзз и осеніи нежданную цыбку.

Какъ хотѣтъ Тогда побѣтиѣ, то никогдѣ цѣлоѣ не упадутъ Тяжелые снога, что вѣзды не бѣдятъ герстыи, не бѣдятъ фицнѣи, и съ ходомъ не взглажетъ утренний разсвѣтъ на преступленье....

Но грацыи, чистыи дароги и мокрыи деревья сжимаютъ и холодаютъ.

Съ послѣдней искрой Таменъ солнца опаѣтъ морозъ.

Уже галактика и воронъ не слышны крики, не падаютъ листы.

ИРЛИ (Пушкинский Дом) РАН

Ночь темная приходит, Тучи темные звезды, и на кладбище звезды
блекли.

И, кажется, выходить смерть сама, Туманная и блеклая, какъ
тени, и серпъ несетъ въ рукахъ для жертвъ ищущей, безцельной на-
шей жизни...

Совсмѣ тихо, будто окна и остались на цѣломъ свѣтѣ.
Окно застлалъ герный и сырой Туманъ.
Вокругъ полетѣли по степи.
Кто-то постукиваетъ въ свѣрѣ: стукнѣть и этакъ.
Вокругъ ударились грачи о лѣса и завывали...
Теперь она сидитъ за птичью дверью Тутъ, подъ окномъ, сѣроватъ,
наполовину.
И въ пѣсни его фразы звучатъ, что было когда-то, что
шептали ему мои губы, здѣсь ходятъ въ неволь...

2. Звонитъ Тюремный колоколъ, отрытъ можно ли удрать съ сердца.

Вздрагнула сухо, какъ Тупое оружіе, поганой замковъ.

Проплюсъ оглохъ...

Совсмѣ еще ночь; Тюрьма въ эпитетахъ, сонныхъ огнахъ;
Часы, забытые фонари, привыкшись, слѣдятъ за мной.

Можу по кругу безостановочно, не счмаз.

Я не могу проснуться.

И, кажется, что долженъ я и эти куды-то и вѣтно тараки и та...

Блѣдно-оловянныя сундукчики неподвижно лежатъ на окна и стѣ-
нахъ.

Сногъ ли падаетъ, солнце ли болѣе блѣднуетъ?

Открываютъ форточки свѣри.

Тихо въ Тюремь, тихо Тюрьма передъ казнью.

Откуда-то изъ глубины, изъ подъ земли, изъ небытъ словъ

ИРЛИ (Пушкинский Дом) РАН

молитв.

Измученный лицо гледа^{ть} изъ окон.
Невнятныя слова молитвы чадят^ь....

Вп^ртерь запутался во ржав^ькъ.
До^л-то глухо с^тука^{ть} машины.

Огромный зв^{ор} проснулся, — иль^{бо} с^вѣд^ь, иль^{бо} в^{оз} дух^е иль^{бо}
но, всю з^{ем}лю, все^{ль}ло фабрик^и ст^{оя}ны, — проснулся з^вор^ь.
Онъ з^ест,^ь з^еп^ь-то близко ярки^и с^вѣт^ь из^{ра}ет^ь, онъ з^ест,^ь з^еп^ь-
то разомъ жизнь рост^ет^ь, и онъ кричит^ь, но голосъ его ник^о не
слышит^ь.

С^ировъ и с^трада^{ть}, з^вакают^ь блеск^ающ^ие кандалы; ихъ с^могут^ь,
замира^{ть}, ихъ с^тон^ь, заика^{ясь}, снова, снова з^вищ^ь...

А тамъ, въ мозгу сердца, подымается страшныя бури, бушу-
ю^{ть}, рвут^ь жизнь...

3. Камера грезна^я, болни^я, какъ нища^я на панег^ити въ празд-
нико.

Падеть с^нягъ на свободо^{ль}.

Съ сыростию и испареніемъ на^вигающе^{сь} Тьмы прос-
тываются п^лосна ко линь.

Ч^ерн^ьть, высоко уносить з^вуки.
Они пробиваю^{ть} крыши, сплавя^{ть} съ б^{оль}шими т^угами
и б^{оль}ш^ью къ герномъ краю небесъ, з^епъ идетъ ч^ен^ь весна, з^епъ
вознадю^{ется} запахи ц^вѣт^{ов} и листьевъ.

Кто-то скрикнулъ.

Псона, какъ сердце, прижалась къ з^води.

Монотонно позв^лкив^ь шашками и с^тука^{ть} самогонами, хо-
дятъ по корифиду гасовы^е, какъ Тюремные фаны, монотонно позв^л-
кив^ь шашками и с^тука^{ть} самогонами....

ИРЛИ (Пушкинский Дом) РАН

ИРЛИ (Пушкинский Дом) РАН

Луки, золотые луки, слетаютъ ко менѣ!

Это не звѣзда, не сонъ, они на Лицѣ фронталь у менѣ.

Вы огурца, со стѣнъ пришли, вы ласкали подсолнечника, вы
горѣли на храмахъ, вы слѣзы сушили, - согрѣтие менѣ!

Люди съ любовью разлучаютъ, люди казнятъ, вы же на Небѣ
рожаетесь, вы раны брачуете и вѣстали свѣркаете, - согрѣтие менѣ!..

Долго, признавшись лицомъ къ рѣшѣткѣ, гляжу на Небо, на
радость весенней лазури.

Шкварцы, субоды, борьбы шумятъ.

Мои идолы щелкаютъ замки; чуговатыя бояты, чуготята, бра-
ниты, часовые.

Ч. Весь мой сюда въ гаражахъ: тѣ и лиловые, и розовые, и си-
ни, и блѣдые.

Здѣсь окномъ послѣдніе дни сплошнаго снега; зима, раздается съ-
плакать Тяжелыми слезами; я слышу, какъ сѣгаѣтъ онъ о крышу,
бѣжитъ, какъ горятъ на рѣшѣткѣ.

Воскресите луки жарко разливаетъ по влажнымъ цѣпамъ.

Позеленѣли листья; лепестки разнѣшились, распахнулись, живутъ
-о новой жизни метаютъ!

Но вѣтъ луки потянули и скучно подбрели вѣтвями перепу-
ганными Гѣнами по камень - окно закрыли бѣлой краской.

Лепестки, изнемогая отъ ужаса, признались другъ къ другу.

Цзогнувшись себѣ среку, безнадежные; листья пылаютъ.

Шкоды въ садѣ плющимся дроматъ менѣ погналась шол-
галица молода спѣй, и я такъ хотѣлъ сѣть, тѣа-то рука зелен-
ный щитомъ закрыла солнце.

Липовое платье разноцѣно освѣтило синий падиумы
сплошнѣе расстанія.

ИРЛИ (Пушкинский Дом) РАН

ИРЛИ (Пушкинский Дом) РАН

III Елеевъ обожженные голодовъ листья чупали, змѣю и герильють,
и столь юй, словно могила весной, въ осеннихъ вѣнкахъ.

Ты—То близко, Тутъ чь Тюремныхъ Стѣнъ, рѣпческается первая
роѣка, Трѣвѣк....

Ц Э не могу закригать...

Ц Глазы, какъ эти цѣлы, чмѣраютъ и блекнутъ.

Только во сны еще снаются, фыши, обманно лелѣ, Трево-
жатъ, какъ желанья безъ завѣтъ, какъ несбыточны отъихъ вѣ-
кучъ наваждений шумовъ, какъ сѣрѣа дѣлъ, ослѣпшаго.

Я не знаю, живу или нетъ?

Ц Всій день все ползутъ отъ окна по стѣнѣ безъмолвно, а
сѣрѣа, сѣрѣа, касаются глазъ, разъльдаются...

С Если бы зоромы міра наводнили, если бѣ пожары за-
глисъ!

Но въ мою Тишину ворвались громбія рѣчи, слова безъздѣ-
нія, блѣдныя.

Ц Не могу я закригать...

5. П Полночь, все камеры заперты.

О Жиданіе Толмачевое, какъ перевѣ приговоюю.

Ц Эрѣвѣкъ вырѣвается слово, смѣхъ и сѣрѣа чищетъ, курадо-то задѣ-
гаетъ.

Цъ Конца въ конецъ одиноко и глухо тѣлоходятъ часо-
вые, одиноко и глухо...

Звонъ!

Звонъ часы-часы!

Надеждѣи вѣа, грустъ, кто-то закашлялъ,

По корридору идутъ, Говорятъ, звенятъ, кого-то несуть,

ИРЛИ (Пушкинский Дом) РАН

ИРЛИ (Пушкинский Дом) РАН⁹

Что-то Толкаю.

Тюремный колоколъ, захлебываясь, бѣетъ, бѣетъ, бѣетъ.

Душа и звонъ вездѣ и здѣсъ, и тамъ, и близко, и далеко, гулъ и звонъ...

Воскресъ Христосъ!

Страшныи вѣдохъ, Тяжелыи сонъ бѣжи по стыни, по потолку и сиди-то въ глубинѣ Тюремщіи бѣгунъ разсыпаетъ камни, взрывается Тыши осколковъ осѣрихъ, энгужихъ и свилевъ на глаза, вонзаясь въ сердце.

Душа дрожитъ, и крики езъ глушатъ высоты стыни, и вѣнѣтъ голоса блѣдныи, разцѣпившіи въ выханіи страшанью.

Воскресъ Христосъ!

Изъ глубины жалѣзныхъ рашь взоръ ясныи сѣричесъ, и легкіе шаги скользятъ...

Разсвѣтъ воскресныи, зѣко-голубой, должно бѣти, Тамъ.

Къ обидѣ перевозаниемъ далеко за Тюремшой.

Разсвѣтъ замутившись, болѣй.

Не спица Тюремша, Тюремщад шолги.

б. Безцельно хожу вѣздѣ и блефѣду.

Ходофна, Генино, а тамъ на свободоѣ все въ зелени; по ногамъ фолеютъ крики нечгошонной жизни.

Но жизни э не вижу и какже, чо солнце вынужло геловѣ-
гекій роѣ, и только э спасъ въ Тюремшо.

Безцельно хожу вѣздѣ и блефѣду.

Задыхаюсь отъ оскорблений; негодованія Тысячи менъ.

Неукротимъ злоба просыпласъ...

А слыны эти и люди сюзъ передо мнози, сюзъ и не чхо-

ИРЛИ (Пушкинский Дом) РАН¹⁰

Музыка бьется въ окно, где-то близко проходитъ солдаты.

Долго гляжу въ мертвый стеклъ.

И отъ горячихъ желаній стужа мои зѣбы, и такъ хотѣлъ раздѣлть все, что меня окружаетъ...

Уже зарево пылаетъ во всѣхъ концахъ земли, огонь бѣжитъ и личаетъ Тюремы; я слышу, какъ стѣны сошрогнулись.

Высоко на обгоревшихъ бесѣлицахъ люди чириаютъ; казаютъ, обезображенныя Трупы...

Огонь заливаетъ глаза.

И все сущее переполнено криками, переполнено криками.

Бездѣльно хожу взадъ и впередъ.

Наконецъ Тучи; Тюрьмы закрыты вѣщемъ Тьмой.

Бѣзпѣтъ шесть бою, и близко Тучи подъ окномъ подаютъ синь...

Это скованыиѣ души, это раскаленное Терпѣніе, это онъ вырвались, обстутили Тюрему и помгались, какъ океаны, какъ полчища фикусъ, все разрушая за неболю, за долгій плавъ.

Однако зазвонили къ вечерни; въ Тьмандахъ кроши проклятъ, звѣки по вѣзвишамъ Тьмамъ; однако сѣютъ звѣки.

Брови прокатались.

Что-то раздалось, кричитъ, чиркнаетъ, что-то зоветъ и хрюпитъ, какъ зростъ въ цѣплыхъ....

Бездѣльно хожу взадъ и впередъ.

7. Тюремные часы чныло бьютъ.

Ногъ на ноги гдѣся.

Оѣ ладьи на полу и на стѣнахъ времлютъ неподвижныя, Тьмны.

Ушираетъ мѣхъ...

ИРЛИ (Пушкинский Дом) РАН

ИРЛИ (Пушкинский Дом) РАН

Утромъ залѣтѣлъ въ камеру и умѣрилъ.

Эті лапки сущорожно выѣзгиваютъ, все Тольце прижимаетъ
къ стѣнѣ, а распльвѣтаю пѣтию Тыни — едъ послѣдней спутницы — лѣ-
бедь дрождь.

Все еще вспоминаетъ она:

Энергично, пыльную камеру, когда плытье солнце живое, горячее,
бѣго и въ ясныи день зашорженныя стекла окна;
скучныхъ, блѣдыхъ мокрицъ по цгламъ, где зеленѣть сѣрчики сырости;
блѣгно сонныхъ Таракановъ на панели стѣнъ;
флиниыхъ, подбѣжныхъ прусаковъ — безлокойно шныряющуо сѣражи;
льнивыхъ, наливыхъ кровью клоповъ;
Тонкіе, стрѣльчатые хвостики пугливыхъ мышей;
Зубы рѣзные огрохиной Крысы сѣражинъ и сладкоцъ;
2Ладъ заклюгениаго;

Чѣлъ, сѣонъ, плоснъ, звонъ кандаловъ....

2 Тамъ земля, небо...

Цѣхъ цѣркви.

Продолговатъ Тынъ егустилевъ и здѣшъ.

Застыло и бремя, застыли шорохи, тогно живши болѣше
не стало.

8. Глубокою ногью, здѣшнихъ отъ него обованіа, эти сидѣла чѣмъ окна,
Казалось, выходило оно въ бездонную пропасть.

Наруждались и циркали зѣчки неясные, гого-го оживленіе.

Голь-то наѣзрилъ плакаль ребёнокъ.

Я метался отъ ужаса и тоски глубокой ноги, и сердце
моё разрывалось, и энзимъ его проходилъ надѣлъ пуганиши.

Безумно раскрылась дверь, вошелъ старикъ высокий, бл-
льши.

ИРЛИ (Пушкинский Дом) РАН

ИРЛИ (Пушкинский Дом) РАН

Я пришел щупать Тебя! сказал онъ, и изъ рука его скользнула
ноожь и, тихо звякнувъ, упала къ моимъ ногамъ.

Старикъ исчезъ.

Я прикинула къ сердцу холодный ноожь, и становился
онъ горячимъ, яркимъ, и роса слёзъ горяла на немъ, и каждая
росинка шептала о несчасти.

Это ждалъ разсвѣтъ.

Народились и цырили звучки неясные, гдѣ-то ожидаю-
щие.

Это ждалъ разсвѣтъ.

- Вставай, дежурный! Надзиратель, вставай! Пора по
камарашь, дежурный! глухо говорить кто-то вблизи меня,
и стучитъ.

Звонятъ къ поборьку.

Старший, время клюгали, проходитъ въ состоянію кашеву.

9. Глухими ногами слушаю, какъ плачетъ сердце Твое, силь-
ное сердце.

Не зналъ, где ты Теперь, и куда глядѣть глаза Твои без-
брежные, чумакко-бездонные, я вижу Тебя, вижу лицо Твое
въ меркнущей, переливной игрѣ изгибовъ, извишовъ, улыбокъ.
О герц же Ты плашешь, погему лаской, поцѣлую звуч-
таѣ слезы Твои въ сердце мое?

Что беспомощенъ, о герц Твой Тоскунешь?

И предо мною проходитъ мои дни и часы, и каждый изъ
нихъ идетъ краснымъ, горящимъ сплошомъ, и каждый сплошъ
горитъ и фыркаетъ.

Все Тайны слезы, что росою играютъ на моей щекѣ и
никогда, никогда не прольются на землю, — ихъ содираю.

ИРЛИ (Пушкинский Дом) РАН

Вихри, вь кружитесь тамъ, за стънами, злые и теплые, вьс
а звуч, возмите цвѣты, эти женщины, положите ч ноги
красоты!...

Пишина бездѣл, кружокъ пишина.

Окно въ вѣгномъ лѣдѣ, и какое небо лѣтъ покрытое
— не знаю я.

Но ты прокасаешься, выханіе твое — бѣдохъ любви — одни
мѣтъ менъ, и изъ желаній моихъ смерть улѣгаешь...

Быть можетъ, давно чужъ истѣлъ, истерты всѣ краски,
иные цвѣта растаяли.

И куда глядѣтъ глаза Твои беззрѣнныя, пишаны без-
дѣнныя, где ты теперь?

10. Кипятъ, летятъ мои мысли, безумныя мысли, какъ кровь
чубицы, какъ чубыка голова, какъ зовы согласия

Кипятъ и энтузіазъ, возникнутие и энтузіазъ.

Изъ земли выходитъ призракъ гибели, ч гаснетъ солнце
и меркнутъ звезды.

Голубоватое сѣніе, какъ влаги ч молитва, скользитъ во-
кругъ него.

Застигнутое шакомъ внизънной ноги, какъ ты сидѣ-
столкнувшись, похожъ, реветь людское горе, и сюны пла-
ми скрипать, рвутъ струны веселыхъ пѣсенъ.

Океаны выходятъ изъ своихъ оковъ зеленыхъ и лгатъ
ко высокимъ зданіямъ въ пустыни.

Блеснула молния.

И кости острыя огней, какъ либень, лютъ и кости земли.

А призракъ блестяно глядѣтъ на чуждъ людской надежды,
людскихъ желаній....

ИРЛИ (Пушкинский Дом) РАН

Все Так же Тихо, все Так же бледно.
Огни погасли.

Чудовище съ щеками щеглистыми, съ очами беззмы скреши-
ло руки, чиста сошкнуло...

Жизнь - лампа старая - бросаетъ жутый светъ ко дну
на землю.

Все Так же день и ноги въ Чумахъ страданья...

И супоротко здешнюю о звездахъ, гдѣ улетаютъ даль-
ше, выше.

11. Свѣтлая, лѣтная нога.

Падаю созрѣвають плоцы, облѣтаютъ цветы, Травы
колосуются.

Мъсакъ выходитъ красный, наливыи истомой, и зар-
ницы, шиньфля, колышатъ ароматы луговъ.

Суть здѣшнія, звезды смотрятъ на землю серебристыя, чистыя.

Дѣло-то котѣ, галухо падѣть собаки.

Звѣки, вливавшись въ окно, въѣхали розы жищутся къ душѣ.
Бѣють часы.

Пѣсна чходитъ, пѣсна далека...

Какъ холодно, Тихо, какъ мертвенно Тихо!

Молько пашковый светъ, какъ фрачка смерть, со зною
живѣтъ.

Тихо, все Тише, Тише.

Слышишь бремя, стужу, чуетъ.

Голосъ желания слабѣетъ.

Вспоминаю...

Время сильнѣй застужало, беспокойно, нестройно.

ИРЛИ (Пушкинский Дом) РАН

Лепестки весеннего цвѣта садовоъ окропляють шеня, зо-
бутъ, о любви говорятъ, красоуго.

Ворукъ герниюю, сжимаютъ, пылью несущъ.

Слыши, время, стучитъ, членаетъ.

Окрова вленныя руки, нѣжно обнимая, цѣлуютъ нѣвин-
ное Тело малютки.

Синяя глыбы полѣрныхъ лѣдовъ шумно брызгаются въ
праздникъ южнаго моря.

У рѣдааетъ фиша, Тихо рѣдааетъ, какъ нѣмое, затас-
нное зоре.

Д на клафтищъ въ болѣдасовѣ кости стучатъ и колотятъ...

12. Ты пришлъ, Ты стоишь на порогѣ.

Цѣло смотрю на Тебя, не отрываясь смотрю.

Какъ роскошны заманичивы Твои улыбки и плавнитѣль-
на греческаго Твоего, чвитах ишьтѣлаши!

Это - сердце Твое, сплющенное подъ лепестками нѣж-
ныхъ щѣлѣбѣ, наполовину иль пѣсню о солнцѣ.

Невидимкой скользятъ Твои легкия ноги, Того звучки
чтенихъ зорь.

У всѣя гладаю на Тебя, жаждяще привкуснѣть къ
разсыпающеся волнѣ волосъ Твоихъ и блогчъ, безумно
губы, чубица за Ты слезинку, губы, скаты, ваза съ фыма-
щихъ рѣници Твоихъ, маникѣ, счики.

Ты пришлъ, Ты стоишь на порогѣ.

Ты, лучистая, вѣчно Тайната, Ты весна землихъ снобъ,
блзлами ко мнѣ, даи любви Твоей!

ИРЛИ (Пушкинский Дом) РАН

Въ ложу.

■

ИРЛИ (Пушкинский Дом) РАН

ИРЛИ (Пушкинский Дом) РАН

ИРЛИ (Пушкинский Дом) РАН

Неу��имый рокъ, огонь всевластный, опусти скорбъ свой
нечтъ, скорбъ спали меня!

Я Трепещу, я чую да въ энеланѣхъ чзнать твой взоръ.
Въ пребогъ слушаю, въ тоскъ слыжу, стараюсь поми-
шать небнаптныи голосъ моей души и шепотъ капель
дождевыхъ и стонъ деревьевъ.

Пты долго велъ менъ, твоя рука такъ тастро раскры-
вала грудъ и разрывала сердце мно.

Во снѣ явился ты и говорилъ о Тайнахъ...

Ц вицпль э тебъ на терномъ камни въ раскаленно-
красныхъ облакахъ съ безжалостной улыбкой, полной
грусти, ты звалъ менъ, манилъ съ собой.

Теперь, когда э пошёлъ къ небъдомой пустынѣ, и
предо мною страшный блескъ бросаютъ звезды,
э ядъ, я ядъ.

Пты снова э вишевъ, ты знаешь все, всю эизнѣ мого.

О рокъ неу��имый, огонь всевластный, опусти ско-
рбъ свой нечтъ, спали меня!

Г.
В. Бакин

1. Зашипали, обнажалась, шашки комбайнныхъ, раздалась
громкакъ команда, и все пошли, торопясь изъезда, торопясь
и перегоняя другъ другъ.

И зувидѣлъ все, что было и что таится въ щупныхъ
огрѣтаніяхъ грозящаго.

На мгновеніе твѣд осѣтилась, и ясно стало, какъ
положимъ.

Ледяныѣ руки обнажли менѣ, и ледъ жегъ мое сердце,
и я поклонилъ голову и, поклонившись, поддалъ предъ ними..

Я стоялъ, прислонившись лицомъ къ холодающей, ржавой
решеткѣ окна: мимо проходили люди, фонари напрѣжнѣ-
но горѣли.

Свистки, трескъ, шипыніе пары звучали отчетливо
и резко, хотѣть складать о темѣ-то, напомнили.

И я хочу собрать все мои мысли, найти слова...

Но пользуюсь шуткой, шипа и колыхаюсь, шутка въ глуби-
чию ногъ и теминую.

2. Открыты окна.

Здѣсь вагончики летятъ солнце, блестящее и еще холод-
ное, а лучи бьются о решетки, оставляя спѣры, цветлан-
ный цепляетайши блесками налетъ.

Мелькаютъ солнечные полы высокаго, желтаго хлѣба.

Вагонъ просыпается: сопатъ, кашляютъ, плюютъ,
выходятъ и приходятъ, катаются, цыплятъ за ноги.

ИРЛИ (Пушкинский Дом) РАН

- Осеню-то пахтъ и не дожибешь! говорить сморщенная старушка, пережевывая корку.

- Чего не дожибешь-то, трицать годовъ ходу во всю бремя года - живъ, цръль и невредимъ! отвѣтствуетъ старикъ Яшка.

Онъ важно къетъ чай, со вкусомъ присасывая сахаръ. Большой опфада его оглобъ привосла къ носу и перекошитъ въ длинную белую бороду, позеленѣвшую чубъ.

- Молодому кудѣ еще, а мнѣ на седьмой-то фестиваль, господи, все-то разломило...

Заплакали девы, поднялись бабы, здорвали.

Когда же налиного пріѣздахло, послышался подъ стукъ колесъ голосъ Яшки; онъ роется въ своемъ мѣшке и ухмыляется.

- Книги, вотъ эти, получилъ я отъ самого господина начальника. Проповѣдникъ былъ, аглаганинъ. Да..., Познаніе, говорить, целишь твое и освободишь отъ него. Чуже бы, сукинъ-котъ, отъ тюрьши освободишь! А то „кандалы въ душѣ тѣ же вѣши“! Попробовалъ бы эта какъ пигалица наши-то поносить, да мо что аглаганино!

- Одно развлеченье, а то и слушать ихъ негого! глухо отвѣтствуетъ сосѣдъ Яшки, высокий, сухощавый съ темными лицомъ подвижника.

Да и безъ проповѣдниковъ сами знаешь, покойный Державинъ сказалъ: „бѣзъ и въ добре и зле велико!“ Такъ-то! а то аглаганинъ!

- Слыши, гдѣ поднялся! скала зубы, уговариваетъ конвойный молодецъ арестантку, подпрыгивая и заигрывая; да пищитъ.

ИРЛИ (Пушкинский Дом) РАН

ИРЛИ (Пушкинский Дом) РАН

Баражтаются, ругаются.

- И прятно, любо ходить шинь, и хожу. А сколько я этого народа на своею вьюку обманул, юного брата надуул!...

Хихикаютъ, старуха стонетъ, кто-то немилосердно чешется и злобствуетъ.

Яшка побольствуетъ свои флины, запутанные по-хозяйски.

Становится душно; пепельно-желтый табакиний дымъ широкой и густой колосой тянетъ отъ двери до двери.

Къ арестантка пристаютъ и заираютъ.

Кто-то заполз.

- Дядя, слышите голосъ Яшки, и живу такъ, прятно, хорошо шинь, одно - усталъ, только болитъ, да и вино выпьнаю.

И все сливаются въ какое-то энчужанье тупое, хрюпанье.

Хочется пурпур, на эти полы, дальше, дальше отсюда. И съ болью воспоминается другое.

Скоро станции, конвойные собираютъ тайники; спорятъ, грызутъ.

Попадъ остановился.

Пассажиры и публика, прогулываются по платформамъ, присевши и любопытно заглядывають въ окна.

Къ ветеру будешь на этапѣ.

3. Сливаются шутни, спрыгнули птицы съ Тюремной стѣной.

Все расплываются, срещутъ и въ безгрѣхомъ синь меркнеть.

Только мысли, возбужденная болей, поднялась и пошла,

ИРЛИ (Пушкинский Дом) РАН

Бы линьлыыхъ краекахъ огни зажигаю.^{кофе-то}

Ты, чви образы Ласкала, Любила^{дуща}, оживаютъ...

Слышенъ стукъ и киплоніе крови; губы горячі, шептутъ, страстные вздохи, пылъ, нѣмлють.

Но ты не видишь, не проідешъ къ намъ, только можешь сплоци^в издаекъ, растопаешь близостъ прізраковъ, гдѣ плыбутъ по сѣнью и по туману, живутъ и молчатъ.

Пустъ бы мысли заснули, пустъ бы крѣпость холода быхъ сѣнью убаюкала ихъ!

Но безпокойна звѣза, вѣсада, не меркнетъ; образы звѣра пышны^и расцвѣтаютъ.

И, обезсиленъ, душа цѣленіемъ отъ жизни.

Ч. Погодъ времитъ, буря со свистомъ догоняетъ его и желудю звѣзду сбиваетъ о крышу.

Дождикъ сручи^в, капли слезами текутъ по стеклу.

И сердце тихо забилось, словно вся эта нога дрожливая, бурная, весь этотъ часъ и мракъ звѣзду, бѣдой настигнуло.

И сердце тихо забилось, робкое сердце — пуглива, пуга, подъ крыльями хищника.

Что сно видѣло, а гемъ ему дождикъ сѣгалъ — не скажено оно.

Золота нога...

Благодаря звѣзде безсилья; драгоценность подозвана; класть, звать скрываютъ звуки; долъ беззольна...

Погодъ времитъ.

Дождикъ сручи^в, капли слезами текутъ по стеклу.....

Разсвѣтаетъ.

ИРЛИ (Пушкинский Дом) РАН

83
Городъ съ колокольнями, башнями, омытыми дождями, мелька-
етъ.

Остановился поездъ.

Выходитъ на платформу, и я иду медленно за флиной,
серой, широкой стальной арестантовъ.

Шумъ, Крики, скрежеты экипажей, колоколчики ко-
мокъ, благовестъ и скорбный, переливчатый звонъ кандаловъ.

Ведущъ въ башню.

5. Въ маленькое башенное окно съ зумбатою решеткой гля-
дитъ ярко-голубая звездочка.

Она одна глядитъ въ глубокую ночь съ германской неба.

Старая башня странно и темно дрожаетъ.

Мыши монотонно скребутся.

Я вспоминаю забытую, въгнную сказку о птице, зде-
летьшей когда-то на землю съ небесного моря, где она
пала въ разграбленной тучѣ, блестяла въ разсвѣтахъ, изре-
ла въ лужахъ....

Небесная птица въ клочья засыпной.

Ноги и руки въ безпросвѣтной неболѣ проходятъ.

Крылья забыты; заморились, заплаканы пыси.

Какъ-то въ осеннюю ночь Такъ Тосковалъ она, Такъ вспоминала,

И съ болю молитвы вздышились изъ жаркаго сердца....

И брилль, звено, содрогнулись; и недосвой болниш путь рас-
крыло, и полетѣла птица.

О, какъ Тоскливо, изнемогали ея желанья!

Серебряные нити, что звезды ногью бросаютъ къ людямъ,
ее обнели, и фышие покровы наѣ спящимъ солнцемъ затре-

петали.

Но вътерь, герный вътерь залпомъ чынло, встрѣгая кры-
лья.

Огнulась птица.

И долго, долго въ рѣзцывѣ скрытомъ она молчала, жад-
яд, звучила....

Терь нынѣ птица: на небѣ лѣ вольноизъ иль тащатъ?
— Накто не знаетъ.

Такъ, беспомысл сказку, э софрогнула.

— Волъ, волъ, стонало чю-ю, слетай ко мнѣ, хотѣ
на мигъ обманнышъ сновидѣніемъ слетай, бери мое
всѣ слезы, изъ нихъ слагаютъ люби пѣсни и воззви-
гаютъ новые ковтеги отъ смерти и потоповъ!

б. Въ камеръ, Куб. сод. возр. 7 с. 11 ар., э лежу въ каме-
рѣ на высокомъ болѣнигномъ тюфякѣ.

Лашла говорить.

Какая чудовища, гигантская тварь, мал тварь!

На рѣкѣ пароходъ реветъ.

Пищитъ Бентилазцій, Тюкають гости въ корридоѣ.
Цзючзла крацутся фѣтонки йонки, члыбають и члыбкого
давятъ мнѣ мозгъ.

Не надо, не надо такъ!

Кто-то подбѣгаетъ къ ѿвери и шепчетъ...

Загомъ это онъ, загомъ скажалъ?

Лашла вздрогнула, тушанцися; чви-ю костяжные
нельцы пихаютъ въ мось ватчу....

Надъ головой егущается гешное пятно.

Упадетъ, ино упадетъ на мене, и я сольюсь съ миши.

ИРЛИ (Пушкинский Дом) РАН

Кто тамъ? Кто спустился?

- Терпнъе, ... терпнъе, ...

ЭСЧЖКИШТ МУХД ДОЛГО, НЕФРЫБНО.

Поешь, ты поешь?

Я не могу, не могу...

- Да, да, да, да! весело смыаютъ гдѣ-бы,

- Высшій подвигъ въ терпнъе и любви!

Затворите фортоку!

Какъ холодно, въ больницѣ и холодно! Затворите!

Над зеленою грязной стѣнкою колошаъ красноватыя живыя птицы.

Здесь сидятъ или пѣтъ люди?

Огни мелькаютъ напряженные, яркие.

Люди бѣгутъ, бѣгутъ...

Гдѣ это? Кто?

Что надо надо отъ менѣ?

Васъ вслыхъ, вслыхъ, вслыхъ, чубютъ!

Земля сѣмѣтъ красной, красной отъ крови вашей.

Какъ немавижу я васъ!

Да, забѣра, забѣра...

- Ты въ роты идешъ, разговариваѣшъ, снимашъ гули! Кричитъ
настремчай хрипловатый голосъ конвойнаго, колкіе чубы касаютъ
щеки.

- А-ахъ! а-а-а!... роты, роты... ти... ти!

Редея вѣдется фортока.

Чи-го костлявые пальцы пихаютъ въ носъ бату.

Къ ѿвери подходитъ, шлепая валенками, нацизматъ.

Не чиц, не чиц!

- Чиц... чиц... чиц... чиц!

- Въ терпнъе и любви!

Фортока хлопаетъ.

ИРЛИ (Пушкинский Дом) РАН

ИРЛИ (Пушкинский Дом) РАН

Ладина мигает.

Воруя гладь заколдилась и подожгло изъ камеры.

Что зажеглое наваливается на все горло иростъ, и ходь и грязь...

7. Вегернага тоска вонла бѣ тюрьму.

Взаѣ и впередъ, забытъ сей, ходить вѣлья тѣни.

На рокъ пароходъ реветъ.

Уйти куды-нибудь, не видеть этихъ водянисто-желтыихъ струй,
не слышать шепота тишины, не видеть ходоходъ кирпичей, из-
рытыхъ отглазненіемъ!

Изъ окна идетъ сонный, меркнутій светъ.

Вспоминаю...

Слыши, бѣ мертвыхъ спорыихъ камняхъ бѣетъ энцикль.

И люблю я ее, и мечтаю, люблю ее!

Разбиваются камни, осколки звенятъ.

Взаѣ и впередъ, забытъ сей, ходить вѣлья тѣни.

Безсильныя мысли жмутся къ окну.

Плыбутъ безразличныя пусклыя фразы, вѣзды вѣдраютъ
и безсонною ногой на душу ложатся, какъ сногъ на занозд-
лый осенний цвѣтомакъ.

8. Стою на трапѣ.

Голубѣетъ ногъ далеко и широко на южнѣйкой.

Свѣтлая ногъ!.. Я за что я люблю Тебѣ, такъ люблю....

Вспоминаю, иду, по второму, сливалев.

Могущъ широкими засѣвами клюгемъ подаетъ въ воду,
взапуски бѣгутъ золотыи, дрожащи спѣчи и, нагоняя вѣзы
свѣрхъ, извѣбаются лентой.

ИРЛИ (Пушкинский Дом) РАН

ИРЛИ (Пушкинский Дом) РАН

Впереди — заброшенное, где Государево счастье, непривное...
Легкий ветер, едва шелестя ветвями, доносить гулы.

Чтудится где-то Государево в эхах получепотах голублющей юсти.

- На львой, куд правишь, на львой паршишь! борчъ зарин-
галь командръ

- А-ахъ! отвѣтили съ береги.

- На львой, коли надо прими галку, а то отходи, поберни где-
еще!

- А-ахъ! отвѣгаютъ съ береги.

Медленно, спокойно плыветъ рѣка, только у колеса вста-
ютъ герныя волны и, откатываясь, бьются о берегъ и всплыва-
ютъ.

Пароходъ солица и пыхтица; изъ трубъ вылетаютъ крас-
ные искры — крылатыя рыбки — и расплываются, таютъ.

"Пы не минъ, Ты фрукты посылаешь никой..." И такъ
борчъ ходятъ большихъ-большихъ звуковъ и многое вѣта...

- На правой, впередъ!

- Девять, де-сеть! отвѣгаютъ съ моста.

Протяжно и гудко заполья пароходъ; вздрогнула льса,
изобречены бѣрега и густопышной перелетныи отклики на
его звуки.

Сто-то страшное вошло въ ноги и принесло давицъ и лис-
ицъ грубы.

Дальше, казалось, не было живыи, и эти льса вѣковые,
сирровые не видели Тропъ, не слышали голоса пѣваго голоса.

Зашелѣвали огоньки пристани.

ИРЛИ (Пушкинский Дом) РАН

Взлётку.

III

ИРЛИ (Пушкинский Дом) РАН

ИРЛИ (Пушкинский Дом) РАН

ИРЛИ (Пушкинский Дом) РАН

За глухие волны, въ царство члыбающейся тьмы, въ
царство болыхъ ногей прелестай сюда, и въ ледяные
горы чнесутъ тебѣ вихри на сильныхъ корабляхъ.

Отвернется завеса шелковъ, и крикъ громоша вырветъ
съ изъ груди твоей, и полетятъ запыхавши съ
тучами желанія твои.

Выше, выше! воскликнетъ осужденный на таиніе
зовъ, и дыхъ твой, раздирая сердце свое, понесется
даліе къ мрачнымъ выжженными востъ.

Окаменевши лентами ползутъ къ вершинамъ
нокогдѣ горягѣ клюги, и въ глубинахъ катятся
глухо слезныя болны.

Метель пробуждается...

Слышишь шепотъ ей, ласковый шепотъ звуки?

Она раскрываетъ свою ледяную грудь, и пылающій
губы пѣви, обожженныи энтузиазмъ дыханіемъ, за-
мерзаютъ.

Пти прозигиваешь руки мерзлому ходу ноги и
падаешь, срываясь со скользкихъ чугуновъ.

А ледяные осколки Трешатъ и хохочутъ, хохочутъ
во слюда тебѣ, всей энзини, всей земли...

За глухие волны, въ царство члыбающейся тьмы,
въ царство болыхъ ногей прелестай, прелестай!

1. Пелена изъ зари и зноя, въздрагивая и разсвѣтляя огни, подаетъ.

Еще видны расстѣнія, пышащія энаромъ и полынечемъ, съ остриями, за зазубренныши зелеными листьями; изъ ихъ подсподионѣвшіхъ виноградовъ бѣетъ Тускло-серебряныши клюгемъ горагоа пана.

Слѣпые пыльные бабочки, чудесливыши гуфовищаами перелетаютъ Тыжено и неровно съ шѣста на шѣсто, зыгають.

Цѣрылатый, малко-звенящій въздыхъ, голубой стрекозки-бѣотархивадъ изъ огней, фрошкии вѣются передъ пеленою, вѣвихадъ поэтическое плавь, мглу и дрожаты.

Пелена подаетъ.

Длинные энелѣзные пальцы Тынчъ слѣ ней, хватаютъ за ея кончицы, и пелена застываетъ.

Быстро одна за другою подаютъ новыи въ колючихъ иглахъ, энескихъ и хрупкихъ листьяхъ, въ пушкахъ облетѣвшихъ цвѣтковъ.

Смеркается.

Вижу изъ окна личинную рѣку, токмо всѣ она выложены рѣбей гешеци, и берега сизые, тѣжело-задумчивые.

Ногъ идетъ, въ складываніи золотые гвозди къ непривѣтному небу; и гордѣоны, раскаляясь подъ чудесами, глубоко проходя въ мою душу.

Желтое сердце въ требовомъ, въздрагиваетъ.

Цѣлѣтъ Тыда герезъ горы, пески...

Стучитъ ногъ, въ складываніи гвозди.

Нездвижно къ сердцу подходитъ ихъ острия.

Вѣрхъ, прикасаюсь, прионзантъ, и оно обливается кровью...

Холодно, звѣзды горятъ; вся рѣка въ неподвижныхъ, Тушан-

Нынъ сущахъ, берега расплылись.

2. Снегомъ заноситъ.

Рѣка въ поднѣловѣшіи окна шѣтель, въ крышу стучитъ.

А вѣра еще живѣтъ Василекъ, жали рожѣ, рѣкѣ разливались
Кобрадиши.

Въ однѣ ногѣ!

Стынемъ сподалъ рѣкѣ, сущорожено плещутъ болны.

Слушаешь молгд, жимешься отъ холода.

Нѣть чужѣ дороги, безднѣ смерти, всюду снегъ.

Погребаютъ, погибъ наѣтъ тобой...

Выходи- выходи!

Буферъ и путь и утонемъ, въ болѣ, въ болѣ утонемъ!

У васъ нѣть тепла! У васъ сѣла нѣть!

Заревъ огнь! Жизнь горитъ! и, пылаз, блестяжинай,
блестя бѣзъ сна, распахнувшись, безумнай!

Выходи- выходи- выходи!

Утонемъ въ блѣдномъ, въ блѣдномъ огнь!

Всѣ, кто лѣтаетъ, всѣ сошибаються, всѣ обнимаютъ и уши-
гимся, далеко-далеко-далеко!

Выходи!

Никто не чвидитъ! Никто не узнаетъ!

Снегомъ засыплю, впрѣдомъ разబлю, защущъ! поцѣлу-
емъ холоднымо шоилиъ защущъ!

Выходи!

Не надо- не надо!

Песню спою!...

Поздно- поздно!

Спомъ?!

3. Пишинд, какъ въ могилѣ ногвю, въ глубокой, промерзшѣй могилѣ.

Небо герное, отъ синѣтаго синъгда гернѣй.

Свѣтлѣа горитъ огнико, бѣзицшино.

Радѣзлисъ мысли, задохнчлисъ.

Нигего шинъ не надо, э нишего не прошу...

Что-то живѣть, все кружомъ наполнилъ небицныци живиженанѣль.

Это-брѣмъ идетъ, равнодушное не идетъ око, нѣть ему
чѣлъ, чо кто-то гутко винчаетъ ему.

Пишинд...

Пишинд, какъ ногвю въ глубокой, промерзшѣй могилѣ.

4. Пой вѣтеръ, пой!

Ты - старый вѣтеръ, ты холодила эшафоты и теплые
пручы стуциль и Геминиль и Кригалъ, ты трепеталъ на листѣ
эхъ запретнаго фрева...

Вѣтеръ запѣлъ.

Долго вѣтель, вы боцилъ, даюка, душу; разскаживалъ,
сколько царствъ облѣпилъ, где созли вѣорцы, море кипило,
имена называлъ непонятныя, странныя.

Вѣтеръ, а живѣнь?

Проной шинъ, стоитъ ли житѣ?

Вѣтеръ засмолкъ.

Встрепенулась душа: вѣтеръ скажетъ, вѣтеръ - старый,
она много-много леталъ.

да-а-ахъ! вѣтеръ оѣвѣтилъ, рванулся въ окно и въ
поле ушагалъ.

Злыся жетель, все свои песни поетъ и, рыдалъ, хохогѣтъ.

ИРЛИ (Пушкинский Дом) РАН

5. Зрачествущий сорока!

Окунд привлекла?

Подполють Твои переливки, словно прилиль ко мечу сногъ.

Что, сорока, мерзешь, покусаешь о льсъ?

Подъ моимъ окномъ не начнѣт тепла...

Сорока, фрошишь ты?

Спрыгнула подъ крышу, тамъ дождешася тепла, — и ничего не
могу тепла дать.

Ты въесь давно Тутъ, привыкли; весного, гутъ солнце привѣтъ, ты окни вѣшишь.

Сорока, скажи мнъ, какъ ты выносишь морозы, науки,
какъ даетъ своихъ чудищ...

Сорока, я замерзъ!

Ничего не скажала сорока, вспомнила и съ окна улетѣла.

б. Зеленоватая нога тушанка, въ колеблющихъ Тугахъ.

Все растало, засверло; ни звукъ, ни голосъ, — но все живетъ, забывшее зеленоватыши съвтомъ.

Пройдетъ вѣчность, и ничего не шелохнется, ничего не по-
дадътъ голосъ.

Ходишь думай.

Безшумно наклоняясь, проходя мысли, роещъ нале-
таютъ и падаютъ, сливаясь передъ Твоей вѣчности; и то, его
еще недавно такъ сильно желалъ, отступаетъ, теряется...

Безнокойно идетъ сквозь окна зеленоватый светъ,
идетъ и проникаетъ въ душу, пыснитъ ее.

Не смерть, — ильта смерти въ этой ноги, — Тутъ энзинъ
погребенна, энзинъ въ здравствыхъ тканяхъ.

Медленно впитывается отрава, медленно тогдѣ

ИРЛИ (Пушкинский Дом) РАН

Зеленоватый съёмъ, и часахъ, въ тревогъ бездѣлъ, бездѣлъ видѣть
дыша малгалимъ, тайную вѣгности.

7. Мутнѣйшъ взоромъ обнимаетъ душа безъ конца распро-
стертые въ тущанъ глубокіе сны.

Сны идетъ.

А здѣсь-то едако возвращались сегодня жнеоборонки;
скоро залетятъ ихъ плюсъ, зафросятъ въ голубомъ, теп-
ломъ воздуху надъ зелеными нивами.

Недѣлъ остановить взоръ, негромъ вѣволюбить миши-
ку, мутъ разогнать, ледъ разбитъ,.. блгныи ледъ.

Душа такъ страстна, такъ нетерпѣливо ходѣтъ
тყадъ чѣти, здѣшъ гутъышетъ малый сны...

Подъ сердцемъ костры разжигаютъ.

Мутнѣйшъ взоръ все глохнѣтъ, все глахитъ на глубокій,
безконечный сны.

Сны идетъ.

8. На крестьянъ въ блѣдномъ Тяющемся съѣмъ виситъ
темница, флинна, тѣни.

Исплещь легкій и острый въ вѣнцы золотыхъ лепестковъ.

Сколько звѣздъ Таша гасѣтъ, сѣлющихъ!

Птичеладъ гернадъ тундъ - вѣстница теплыхъ дней, - какъ
сытая сашка, но лосуя раскинулась, спитъ.

Деревья, бѣть можетъ ѿшершій долгой зимы, мутъ вилѣно
скрипятъ.

И въ такую шофозную полногъ вѣрту раздается перек-
ликъ птичекъ, и кажется, солнце сїетъ, и радость пры-

ИРЛИ (Пушкинский Дом) РАН

37

Где́ть сердце, то́гда́ же́бенокъ, Тогда́ глупы́ш, малы́ш звяро́къ.

9. У́же въ глубь пробуждающе́й земли, обнажь рязью влем-
ные корни и засты́б, прислушивалсъ къ музыке звенящихъ
струекъ, изливавшихъ на эмоции рты стеблей и стволовъ!

Паша на верху благоухаютъ травы и во зноя поглы энч-
жатъ.

Душною ногвою подъ музыку кузнецкого жука проле-
тилъ.

Дикія розы раскрывають лепестки, и льется ихъ ифом-
лющее фыханіе подъ головъ созрывающихъ пыльники.

Отъ свѣжести листъ шелестятъ, пробуждаю погки
— этихъ задремавшихъ подъ смильными сказки дѣтей съ
раскрытыми розовыми губками.

У́же въ глубь и слышать!

Осына, цлыбки золотымъ фожемъ, смерть идетъ.

Замолкаетъ пурпур, и зеленые покровы земли спъ-
юто, мутятъ.

Она близко...

Она надъ тобой.

Ц ты прорываешь всю Тажесть навалившейся земли
и цглуешь, обнимашь жизнъ...

А смерть остановиласъ, оглянуласъ...

10. Лебеди, бѣлые лебеди!

Снова къ намъ возвращаются, не забыли...

Отъ вашего взора, отъ шелеста крыльевъ зима со
себя сбрасываетъ бѣлые ткани.

ИРЛИ (Пушкинский Дом) РАН

38

ИРЛИ (Пушкинский Дом) РАН

Лебеди, позните, бы члестали, и знали за вами сильный бу-
ран, и я провожал вас.

Какъ я васъ ждалъ!

Въ шлаганіи медленно они проходили, были мечели, мысли
сбирались въ шутливъ туги.

Высоко, высоко лежите вы!

Если бы и мнъ полетѣть!

Воспоминанію хлынули, можно пѣсни изъ затмѣній
страданій.

О, эта жизнь - вѣчно зеленая, вѣчно безплодная!

11. Тиха, въ испареніи льдовъ и снеговъ, затканныхъ
тучами звѣздами, ты, весенняя нога, прими тоску мою!

Въ оставленіи земль ужъ жизни спасенія кипѣтъ и бродятъ.

Слѣдятъ стаи птицъ на пробужденіе озеръ, и въ сѣ-
ромъ лѣсь кричатъ ихъ голоса.

Нога, ты слышишь, что душа тоскуетъ

Она, какъ птица заподозрившая, измѣтила снегами,
весной пригрѣтыхъ, лежитъ въ глухи, виновата пись.

Нога, нога, ты слышишь!

12. Теплый безоблачный полдень.

Погрѣвшій ледъ водой окруженнъ.

Вотъ цѣлый островъ, усаженный слади, задыхаясь,
и рѣка затрешада, здѣсонаад, словно разбредели ей
заспартовую рану.

Островъ нештого проплылъ и засыпалъ, лѣнивый и
сонный.

На опкость высокаго берега пристались, выглазывая
ИРЛИ (Пушкинский Дом) РАН

ИРЛИ (Пушкинский Дом) РАН

39

Одубанчики спрыте, хиные.

Первый цвѣтникъ!

Изъ глубины его гашечки искрится фроматъ; казнется,
колышется согна трава и пестрѣютъ разноцвѣтные
цвѣты.

На плоту шлепаютъ валики; гуси летятъ; ребята-
ки на кагальцахъ катаются.

Отрываются жемчужные лвины и плынутъ, словно утки.

И хочется подойти, тронуть вонъ того неподвиж-
наго и огромнаго кита, быть можетъ, и поплыть, а
отъ нихъ и вся река.

13. Устаютъ ли полярные вихри или река перепьяд-
вель свои плески, и гайки чисты перелетать съ красныхъ
и спрытыхъ грѣбней бурой волны, но вотъ по голубо-белому
небу погнали южный ветеръ, можно на молодые луга,
стадо бѣлыхъ тучъ, и здѣсь-то вдали глубоко прозвуч-
ѣла рогъ весны, и брызнула теплый фондо.

Заделеніе озінь, прихорашиваются тонкіе стебель-
ки травъ, береска покрывається колкими щитами, пъ-
нился мохъ, лишай дархатается...

Днѣглистымъ берегомъ замѣлькали въ тущанахъ разно-
цвѣтные огоньки и, фроша, поплыли по сплошной рекѣ.

Подроходъ идетъ!

Вспомнилось, какъ ходилъ онъ воргливою осенью;
казалось Тогда, онъ издалекъ, смѣялся...

Подроходъ реветь.

Къ берегу подплываетъ длинная, вытянутая, равно-

ИРЛИ (Пушкинский Дом) РАН

32

ИРЛИ (Пушкинский Дом) РАН

40

94
дышналь волна; въздрожившися и, ослабивши, плащется кат-
натъ; брызги летятъ...

- Работай! голку! работай! герти! Кричатъ на траль,
и бросятъ со высокими шестами длинныя тонны, и въ
злобинъ у колеса громко бормочутъ.

14. Церемония цвететъ.

Душестое ехъ фыканье блеетъ въ окна.

Слодки звуки ужъ заросли травой, цветами, луч-
ши на лбычи чистили ехъ калюгий вихрь.

Всё вину, высокія ели, вавицъ вѣтвей и каса-
юевъ, запахъ вдыхаютъ.

Подъ ногами шокъ хреститъ.

Шелкаетъ голубой шотылевъ, ползущъ измор-
тели.

Старые шокрые ящи фрактуютъ, крошатъ, а ри-
домъ блестятъ молодые побога.

Хрестно иду по знакомому льсу.

Макъ любилъ я тебѣ, изъ окна я слѣдилъ за Тво-
йой, подрагалъ твою неподвижную, хворую стону и
зудоровье, зудоровье.

Си теперь хрестно мнъ...

Ты раззвѣлъ, ты живешъ!

15. Она къ ноги пришла бледная и голодная.

Ехъ гибкий, взбѣшенный взоръ наиладъ стужено.

Цона пристально посмотрѣла въ огонь лучей...

Тогда вихри здорожали, здохнули и съ боемъ

ИРЛИ (Пушкинский Дом) РАН

ИРЛИ (Пушкинский Дом) РАН

и съ визгомъ пустились по лугамъ, по рѣкѣ, вздышила болѣы, лошади куды, цѣльты сѣрица, топотъ травы.

Хрустели кости, Клюгали кровь шумѣла, стонали слезы изгравшаго въ цѣльтахъ малютки-вѣтерка.

Я слышала, какъ весна, изнемогая, заборабанила озлобшую рукою въ мое окно, какъ послѣ вѣтра вѣланулася.

Цтишина настала, лишь кто-то тихонько зевалася.

Воругъ снова цикнѣ, долгій, хрюльшъ болѣ...

Чепель Кригалд, забывала, бросалъ небо синѣ...

На утро выглянуло солнце, освѣтило путь земли.

Зима бѣжала быстро, быстро...

Цвшество съ неѣ бѣжало сми, мелькали птицы.

Измученные болѣы спорою пѣной обдавали зелено берегово.

Цѣльты геремухи изнѣжтыя висели въ снегу.

Вторая свистапаша вихрей, рѣнчутъ лошади, они — на берегу, застигнутыя ногами Снегожицами Чраганомъ.

Сѣро птицы, что думали? Я неслыханѣ ихъ.

Цпѣтухи шолгать.

И я проѣзжалъ отъ Сѣжни, бѣвыхалъ зими, передо мною ливли грѣзы морозныя, какъ эти тучи бѣлыя.

Потомъ я мерзъ, съ тоской жегъ мѣсто въ бѣсигѣ.

16. Снегъ наѣдетъ, тихо-тихо наѣдетъ.

Былъ ногъ, былъ земля.

Не видно берегово, ни озимы, ни распустившихся цѣльково снегородичмы.

Рѣка стальная спитъ: ей лѣдичмы грезятъ.

ИРЛИ (Пушкинский Дом) РАН

ИРЛИ (Пушкинский Дом) РАН

72

Птицы въ тревогѣ, щивленыи.

Кошары замерзли.

Птицы перелетныи, щвоты, доброврико распахнувшіе
свои алты, нѣжнныи грѣшки, бабочки густыи, нарядныи въ
недорогахъ—платвицахъ, энчукки, гусеницы, гербаки въ ап-
ласахъ, шелкъ, изгущенныи панцирѣахъ — загльши прилето-
ли, загльши проснулись?

Нѣтъ здѣсь долгихъ лугей, вьюги одни!

Снѣго подаетъ, тихо-тихо подаетъ.

Я щушаю о погибающіхъ птенцахъ, о гибели красокъ...

И одна только кукушка, насыреваніе, кукучетъ, тос-
кую вспоминаю со мною.

17. Всемъ и весна отцвѣла, чуплыла.

Такъ щходитъ фенъ за феномъ.

И ходи много лежитъ, щвичныхъ погорнѣвшихъ вѣтка-
ми грѣзы.

Они — можно кладбище лѣса!

Видны сухіе стволы, безъ листьевъ, обгорѣлые; искри-
лениніе пни щипраютъ ~~тѣло~~ въ спѣчу землю; чтолѣта-
ны пыльные шхи; гарб, газъ и пески.

И жизнь проходитъ!

Нѣтъ, только грѣзы о неї; онъ, часахъ, спелася
дышишъ, жизнь здѣсь то ташъ впереди.

И, быть можетъ, пожаръ грѣзы сожжетъ ее?

И когда погибнутъ огни — станеть пустошь —
смерть.

Всемъ и весна отцвѣла, чуплыла.

Жизнь — кладбище грѣзы!

ИРЛИ (Пушкинский Дом) РАН

35

ИРЛИ (Пушкинский Дом) РАН

18. Прощайте метели, прощайтъ и лось и вихри!

Не увижу васъ, вашего стона и холода не услышу.

Я въ польни чъ васъ прожилъ...

Позню, блъдныи иней лежалъ на облеть вшихъ цвѣтахъ.

Двѣстъ съ дюжиной шелъ по рѣкѣ, понялъ воду, листья красныи,
желтые по дорогамъ бросалъ.

Хлѣбъ цвиралъ.

Весь въ нѣжныхъ снѣжинкахъ пущистыи лежалъ сенталбрь.

Рѣка чуктывалаасъ въ ледъ.

Цветели орна за другой понеслись съ пльснями, съ падежемъ.

Часто въ требовгю я спрашивалъ, звалъ...

Но ватъ и атрыль пришелъ, глухой гроздъ весну принесъ.

Правда зеленѣла.

Тихо въ болыл ноги сногу надалъ.

Земляника цвѣтеть; любитъ напортиковъ, борожицъ;
знѣздъ пустыютъ, сорятъ.

Скорѣ снова метели завоюютъ...

Прощайте!

Быть можетъ, не возвращусь къ вамъ, не увижу съдого
мѣдъ, зеленыхъ лишадевъ, не услышу васъ, вихри.

Я въ польни чъ васъ прожилъ годы, годы въ глубо-
кой Тоскѣ.